

УДК 94(047)084.8

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

© 2011 г.

О.Ю. Макаров

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

causa@u.niz.ru

Поступила в редакцию 05.04.2011

Исследуется коллаборационизм и сотрудничество с противником в Великой Отечественной войне. Показано различие между этими историческими явлениями.

Ключевые слова: коллаборационизм, сотрудничество, Великая Отечественная война, исторический подход.

Десятилетия, прошедшие после окончания Великой Отечественной войны, не избавили наше общество от эмоционального по преимуществу восприятия практики контактов советских людей с фашистскими оккупантами. Это хорошо отражает уже сам факт преобладания в обыденном языке россиян и даже в профессиональных исследованиях наших историков термина «предательство» над привычным на Западе термином «коллаборационизм». С другой стороны, «время лечит», морально-политические ценности третьего тысячелетия учат быть терпимее, призывают не судить, а понимать. Для здоровья коллективной памяти современной России очень важно отыскать грань, отделяющую действительное предательство интересов родины и своего народа от похожих на него внешне, но оправданных сложившимися обстоятельствами поступков.

На рубеже 1980–1990-х гг. проблема коллаборационизма преодолела, благодаря публицистам, политические и идеологические барьеры и попала в сферу научных интересов историков. Сегодня коллаборационизм уже имеет внушительную историографию, в которой заполнен ряд «белых пятен», выработаны некоторые общепринятые положения [1]. Одним из таких положений-ориентиров стал обозначенный М.И. Семирягой избирательный подход к вариантам взаимодействия советских граждан с противником в годы Великой Отечественной войны. Отечественная историография коллаборационизма в целом приняла методiku разграничения понятий «коллаборационизм» в значении сознательное предательство, наносившее вред борьбе СССР с гитлеровской агрессией, и «сотрудничество» в значении вынужденное взаимодействие (к примеру, с целью выживания) с нацистским режимом. Нас интересует второе из

этих явлений, пока еще не имеющее в своем арсенале специальных исследований.

Поскольку сотрудничество отдельно от коллаборационизма не исследовалось, сведения о нем фрагментарны, вычленять его в общих представлениях историков об этом явлении приходится историографически. Среди первых обобщающих работ о коллаборационизме выделяется труд М.И. Семиряги [2]. Используя архивные материалы, а также работы зарубежных историков, автор рассматривает контакты советских граждан с врагом не как банальное предательство, а как социально-политическое явление. В своей книге историк подошел к коллаборационизму как массовому явлению и, опираясь на многочисленные архивные документы, попытался исследовать его истоки, формы и методы проявления, особенности в разных странах.

Представляет интерес книга П.М. Поляна [3]. «Жертвы двух диктатур» — это второе, расширенное и переработанное издание монографии «Жертвы двух диктатур. Военнопленные и оstarбайтеры в Третьем Рейхе и их репатриация» (М., 1996). Работа посвящена трагической судьбе советских военнопленных и гражданских рабочих («oстарбайтеров»), угнанных немецкими оккупантами в годы Второй мировой войны на принудительные работы в Германию и репатриированных после войны в СССР. Написанная с привлечением больших массивов ранее неизвестных или малоизвестных архивных и печатных источников, а также данных анкетных опросов и писем oстарбайтеров, книга иллюстрирована десятками фотографий, архивных документов и карт.

Заметным событием в тематической историографии стало исследование Б.Н. Ковалева [4]. Автор проработал значительный массив документов, свидетельствующих о практике

коллорационизма на оккупированных территориях. Им использованы материалы Государственного архива РФ, государственных архивов ряда областей нашей страны, а также региональных архивов ФСБ. В книге рассматривается не только военный коллаборационизм, но и сотрудничество с нацистами в сфере экономики, культуры, идеологии. В 2009 г. Б.Н. Ковалёв опубликовал новый вариант своей книги [5], сосредоточив внимание исключительно на типах и формах советского коллаборационизма.

М.И. Семиряга в своей книге предлагает следующее определение: «Коллорационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу. В условиях оккупации деятельность коллаборационистов представляет собой измену родине и, в соответствии с международным правом, они совершают военные преступления» [2, с. 815]. Историк обращает внимание на состоявшееся уже в зарубежной политической практике разграничение понятий. «Коллорационизм» стал рассматриваться как синоним «осознанного предательства и измены», а «вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами» обозначаются термином «сотрудничество» [2, с. 5]. Не любые контакты с врагом, полагает исследователь, можно квалифицировать как коллаборационизм (предательство), иначе предателями могли бы считаться все народы оккупированных нацистской Германией стран, в том числе и миллионы советских людей. Находясь под властью оккупантов, они не могли не взаимодействовать или даже не сотрудничать с ними в каких-либо формах, например для поддержания собственной жизни и жизни своих близких. Различную роль в событиях военных лет играли участники карательных акций и сельские старосты, выполнявшие приказы германского командования, и, в то же время, создававшие условия для нормальной жизни и работы своих односельчан. Различалась и деятельность отдельных сотрудников городских и районных управ, других местных органов управления, даже рядовых полицейских. Нельзя не видеть разницы между действиями членов национальных комитетов, имевших определенные политические цели, и крестьянами, сдававшими часть урожая оккупационным властям под угрозой расстрела. Значение, формы и мотивы коллаборационизма и сотрудничества в каждом случае значительно расходились. Этот избирательный подход к вариантам взаимодействия с противником — один из главных в почти 900-страничном исследовании М.И. Семиряги.

Сегодня большинство отечественных исследователей разделяет и поддерживает положение о разном качестве двух явлений: коллаборационизма как измены родине и сотрудничества как вынужденной тактики, не причиняющей вреда коренным интересам отечества. Так, Б.Н. Ковалев, давая практически идентичное варианту М.И. Семиряги определение коллаборационизма, отмечает: «степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной». «Трудно обвинить в чем-то людей, — продолжает автор, — которые под дулом вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных, шоссейных дорог» [4, с. 10–11]. Историк прав, многие люди были принуждены к сотрудничеству страхом смерти, опасаясь за жизнь своих родных и близких. Были случаи, когда старостами становились люди по просьбе односельчан, чтобы избежать худшего варианта. Наконец, некоторые, находясь в условиях безысходной нужды, поступали на службу к оккупантам, чтобы прокормить свою семью. С другой стороны, переход от жизненно необходимого сотрудничества к предательскому, то есть к коллаборационизму, порой представлял собой всего один шаг. Поэтому «иногда очень сложно, а то и почти невозможно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупационными властями от сотрудничества с ними» [6].

Специальная литература предлагает различные варианты типологии коллаборационизма; разбирая их, можно высветить интересующий нас аспект — сотрудничество. Среди российских исследователей сложилась практика определять формы коллаборационизма по сфере, в которой осуществлялось взаимодействие с противником. Используя этот подход, С.В. Кудряшов ещё в первой половине 1990-х гг. выделил военное, политическое и экономическое взаимодействие, а военный коллаборационизм предложил разделить на пассивный (труд в военных частях) и активный (участие в боевых действиях с оружием в руках) [6, с. 86, 91]. В этих рассуждениях историка о пассивности-активности обозначилась некая избирательность в оценке коллаборационизма, понимание неоднозначности этого явления. Но как различить два разных качества — предательское и вынужденное сотрудничество? В.В. Малиновский предложил классификацию по такому критерию, как *мотив взаимодействия* с нацистами. Действительно, на западе СССР (например, в Прибалтике) коллаборационизм часто был вызван национально-патриотическим стремлением возродить, опираясь на Германию, национальные государства. В центральных районах страны предательство

порождали скорее социальные причины: с оккупантами чаще всего сотрудничали бывшие кулаки, нэпманы и лица, наказанные советским государством за уголовные преступления [7]. Явление сотрудничества лучше всего обнаруживается при типологизации коллаборационизма с использованием в качестве критерия мотива контактирования с врагом. Этот приём выделяет «сознательный» коллаборационизм, связанный с неприятием по каким-либо причинам советского государства и осознанным желанием содействовать оккупантам, и коллаборационизм «вынужденный», порожденный внешними по отношению к субъекту обстоятельствами [1, с. 157]. Этот последний коллаборационизм и представляет собой особое явление — сотрудничество.

Дальше представления о типах и формах контактов с оккупантами развивались способом выявления новых зон предательства-сотрудничества. Самый обширный их перечень (возможно, в чем-то спорный), предложил Б.Н. Ковалев: военный, экономический, административный, идеологический, интеллектуальный, духовный, национальный, детский и половой коллаборационизм [5]. М.И. Семиряга, очерчивая в своём фундаментальном исследовании диапазон форм взаимодействия населения с оккупантами, сформулировал важное для понимания сути проблемы положение: не все действия в рамках этих форм можно квалифицировать как измену родине. Исключение историк сделал для военно-политического коллаборационизма, который, по его мнению, варианта оправданной вынужденности иметь не мог [2, с. 10–11].

Практика современных подходов, рассматривающих сотрудничество с военным противником не только как предательство (коллаборационизм), но как социальную проблему, связанную с различными стратегиями выживания людей в экстремальных условиях немецкой оккупации, целесообразна. В этом случае главным критерием отделения сотрудничества от коллаборационизма действительно становится такой мотив, как необходимость выживания. При этом типы сотрудничества, как и типы коллаборационизма, могут быть определены по сферам, в которых осуществлялось взаимодействие с оккупантами: военное, политическое, административное, хозяйственное, социально-культурное, бытовое и другие варианты контактов. Тогда общая картина коллаборационизма и сотрудничества будет выглядеть следующим образом.

Наиболее активной формой взаимодействия советских граждан с противником был военный коллаборационизм и сотрудничество. Числен-

ность военных формирований коллаборационистов и сотрудников является предметом дискуссий; по различным данным, подобные формирования могли насчитывать от 280–300 тыс. человек [8] до 1.5 млн человек [9]. Основную массу лиц, которые оказались вовлеченными в прямое или косвенное военное сотрудничество с врагом, составляли советские военнопленные — свыше 4 млн человек [8, с. 92].

Основная причина военного коллаборационизма и сотрудничества — тяготы плена. Государственно-политическое руководство СССР отказалось от подписания Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1929 г., что дало гитлеровской Германии формальный повод не выполнять Конвенцию в отношении советских военнопленных. Причиной же этой политики оккупантов была человеконенавистническая сущность нацизма [10] и конкретные условия мировой войны. Со своей стороны, в то время как другие воюющие страны через Красный Крест помогали своим пленным, наша страна отказалась от связи с военнопленными через эту международную организацию, бросив миллионы соотечественников на произвол судьбы. В декабре 1943 г. СССР вообще прекратил контакты с международным Комитетом Красного Креста [11]. В результате военнопленные красноармейцы содержались в невыносимых условиях. П.М. Полян рассчитал так называемый «индекс дожития» у военнопленных, находившихся в Германии. Из красноармейцев, взятых в плен в 1941 г., к концу войны уцелело 20%, из взятых в плен в 1942 г. — 27% [3, с. 137–138]. В этих условиях сами немецкие власти определили: самым большим наказанием для «добровольца» из военнопленных «должно быть направление в лагерь военнопленных (бывших гражданских лиц направлять в гражданский лагерь)»¹ [2, с. 831].

Большую роль в развитии военного коллаборационизма и сотрудничества сыграло то, что плен рассматривался советским законодательством как преступление. В условиях, когда Конвенция о военнопленных была не в состоянии защитить солдат и офицеров Красной армии, в СССР был издан Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной армии от 16.08.1941 г. № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» [12]. Эта позиция советского руководства, приравнивавшая всех пленных к изменникам, подтолкнула многих идти на вынужденную коллаборацию с немецкими властями. Все они в подобных случаях нарушали присягу. Становясь (вне зависимости от мотива своего поступка) военным «добровольцем», военно-

пленный формально совершал государственное преступление.

По-человечески понять солдат и офицеров, служивших немцам из-за страха перед репрессиями, ожидавшими их после возвращения из плена или окружения, можно. Поэтому, с точки зрения современных глобалистических ценностей, найти грань, отделяющую здесь коллаборационизм от сотрудничества, можно. Два диктаторских режима не придерживались никаких международных правовых и нравственных норм по отношению к советским военнопленным. Это давало людям моральное и, по всей видимости, юридическое право самим заботиться какими-либо средствами о своем физическом выживании. Вместе с правом на защиту со стороны СССР они теряли и обязанности по отношению к своему государству. Но распорядиться «свободой выбора» человек мог по-разному. Например, мог стать добросовестным карателем.

Активное военное сотрудничество с немецкими властями было особенно характерно для представителей национальных меньшинств Советского Союза, подвергшихся влиянию националистических настроений, рассчитывавших при помощи нацистской Германии обрести свою государственность. Например, в рядах РККА чеченцев и ингушей служило 1/8 призывного контингента. Остальные 7/8 от мобилизации уклонились или же дезертировали [13]. Национализм может оправдать коллаборационизм, но он не меняет его предательскую сущность. Националисты, сотрудничая с врагом, совершали преступления, предусмотренные законодательством СССР.

Политической формой коллаборационизма и сотрудничества стало взаимодействие с оккупационным режимом представителей различных народов СССР. Нет оснований доверять общей тенденции обширной зарубежной историографии — преподносить большинство советских коллаборационистов как жертв обстоятельств, которые были вынуждены пойти на сотрудничество с нацистскими оккупационными властями, борясь против коммунистического режима [14]. Тем не менее такой мотив коллаборационизма тоже имел место.

Мотив политического коллаборационизма — свержение существующего советского строя — не позволяет выделить в нем элементы сотрудничества. Во-первых, политический союз с оккупантами предполагал добровольность, а не вынужденность. Во-вторых, законодательство любой страны прямо предусматривает санкции за деятельность подобного рода. Совершенно особый случай — политические контакты с нацистами эмигрантов. Осознавая себя представи-

телями народов уже не существовавшей Российской империи, они, в том числе и члены НТС, не являлись советскими гражданами. Их поведение не может быть признано предательским с точки зрения закона и, вероятно, должно быть отнесено к сотрудничеству.

Административное сотрудничество представляло собой участие советских граждан в деятельности местных органов власти, созданных оккупантами. Максимальный размер территории СССР, которую врагу удалось захватить (ноябрь 1942 г.), составлял 1795 тыс. кв. км, охватывая 50 областей. До войны на этой территории проживало 80 млн человек, или 41,9% населения страны, и выпускалась 1/3 всей валовой продукции промышленности. Посевные площади этих районов составляли 47% всех посевных площадей Советского Союза [2, с. 203–204].

Немецкая администрация на оккупированной территории не могла обойтись без местных органов «самоуправления». Они, конечно, создавались немецкими властями в интересах нацистской Германии. Организация исполнения и охраны установленного оккупантами «нового порядка», проведение дорожных, разгрузочно-погрузочных, лесозаготовительных и других работ, денежные сборы служили интересам врага. В тех случаях, когда бургомистр, староста или полицейский с готовностью и усердием служили этим интересам по таким мотивам, как ненависть к советской власти, карьерные соображения, материальная выгода, низкие моральные качества и другим, имело место предательство, то есть коллаборационизм. Если же представитель администрации соглашался на должность (иногда по просьбе местного населения) для того, чтобы защитить интересы людей перед оккупационными властями, можно говорить об административном сотрудничестве. Определить соотношение между этим сотрудничеством и административным коллаборационизмом в 1941–1944 гг. не представляется возможным. Дело в том, что сведения о количестве, социальном составе, а главное, мотивах, поведения старост, бургомистров и других лиц, работавших в местных органах управления на оккупированной территории, поддаются обобщению и систематизации с большим трудом [1, с. 159].

Экономический коллаборационизм и сотрудничество определялись тем обстоятельством, что жители оккупированных областей оказались в хозяйственных условиях оккупации. Распространение коллаборационизма среди мирного населения оккупированных территорий было вызвано, кроме прочих причин, политикой немцев в экономической сфере — допу-

щением частной собственности в сельском хозяйстве, созданием условий для предпринимательской деятельности. Поэтому одна из причин предательства в хозяйственной сфере — материальный интерес тех, кто воспользовался открывшимися для предпринимательства возможностями. Такие лица для получения прибыли (или, как добровольные остарбайтеры, надеясь на хорошую работу) добросовестно снабжали или обслуживали оккупантов, то есть по своей воле коллаборировались с ними. Но следует видеть и другую сторону. Из-за насильственного изъятия немцами промышленной и сельскохозяйственной продукции, введения многочисленных налогов, обязательного трудового принуждения (за невыход на работу можно было попасть в лагерь) материальное положение населения оккупированных территорий было тяжелейшим. Многие тысячи людей были заняты на строительстве барачных для солдат, помещений для военнопленных, на очистных работах, осуществляли бытовое обслуживание вермахта и уход за его снаряжением [15].

Нацистская администрация широко проводила принудительные наборы остарбайтеров. Советское правительство не только не могло защитить своих граждан от врага, но и практиковало целенаправленное разрушение дотла всех населенных пунктов в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км от линии фронта² [2, с. 820]. Все случаи, в которых люди руководствовались в своих поступках мотивами элементарного выживания или подвергались внеэкономическому принуждению, с современной точки зрения можно признать не предательством, а хозяйственным сотрудничеством.

В социально-культурной сфере сотрудничество могло быть оправдано не только интересами самосохранения, но и решением общественно значимых для местного населения задач. Это касается, в частности, деятельности учителей, работавших в организованных оккупантами для советских детей школах. В школьном вопросе можно видеть прежде всего факты оправданного сотрудничества, направленные со стороны советских учителей на поддержание школы и заботу о детях. Правда, здесь необходимо учитывать и перспективные цели, которые преследовали, весьма серьезно занимаясь организацией школьного дела, оккупационные власти, — обучение и воспитание советских детей в традициях нацистской культуры и морали.

Неизменным атрибутом любой войны становится бытовое предательство и внешне похожее на него сотрудничество. Это в основном личные контакты представителей враждующих сторон: дружба, любовь, секс, брак и т.д. Одним из

проявлений коллаборационизма и сотрудничества во время Второй мировой войны были контакты советских женщин с военнослужащими вермахта («женский коллаборационизм»). Известно, что немецкие солдаты и офицеры пользовались услугами увеселительных заведений и домов терпимости [2, с. 680], «работавшие» (в том числе и действительно работавшие, например, официантками) в них женщины признаются обычно коллаборационистами и не находят оправдания. Квалифицировать личные отношения советских женщин и немецких мужчин однозначно трудно. С одной стороны, здесь может иметь место мотив выживания, например в форме заботы о пропитании детей. С другой стороны, с точки зрения морали советских мужчин, такие контакты можно расценить и как коллаборационизм, то есть предательство, поскольку они морально уязвляли бойцов Красной армии, нанося ей этим вред.

Подведём промежуточные итоги. Вполне возможно отделить сотрудничество от коллаборационизма, используя в качестве критерия мотив взаимодействия гражданина с оккупационным режимом. В этом случае сущность сотрудничества идентифицируется как контактное поведение лица, которое не причиняет вреда борьбе его родины с представителями государства-агрессора. Эти действия рассматриваются историками, как правило, в двух аспектах — правовом и нравственном. При этом проблема предательства-сотрудничества в годы Великой Отечественной войны всё равно остаётся до конца не ясной, поскольку не уделяется должного внимания уникальным и чрезвычайным условиям, породившим такие явления, как коллаборационизм и сотрудничество. Этими условиями были *мировой* статус событий 1939–1945 гг. и *отечественный* характер событий 1941–1945 гг. Другими словами, если проводить историческое исследование, а не заниматься морализированием и публицистикой, то каждый из ракурсов (правовой, моральный, другие) необходимо применять к рассмотрению вопросов коллаборационизма и сотрудничества с позиций принципа историзма. Задача историка — не судить или оправдывать (этого хотят от нас политические идеологии партий и движений), а посредничать между прошлым и настоящим. Послевоенные поколения людей смотрят на исторические факты и явления глазами потомков. Взгляд *современников этих событий* нами утрачен. Историк способен восстановить эту утрату, то есть показать, чем явления сотрудничества и коллаборационизма были в военные годы. Что они представляют собой с позиций со-

временности, дело наших коллег — политологов, военных специалистов и международных.

Государственное преступление, как и вынужденный поступок, не существуют вне времени и пространства, и работа посудомойки в немецкой столовой может быть признана сотрудничеством, а не предательством лишь в том случае, если эта её деятельность не нарушала законов и нравственных норм своей эпохи. К примеру, если рассматривать правовой аспект «из сегодня», то есть с позиций современного международного гуманитарного права, учитывая признание всеми странами приоритетной международной компетенции ООН, то исследуемое явление сотрудничества, конечно, относительно просто верифицируется. Женевские конвенции 1949 г. с последующими дополнительными протоколами, обязывая воюющие стороны вести военные действия по определённым правилам³, по сути, придают сотрудничеству статус легального, с точки зрения права вооружённых конфликтов, и нравственного, с точки зрения общечеловеческих ценностей, поведения. Оккупационному режиму под страхом санкций ООН предписывается цивилизованно осуществлять свою власть на временно занятой территории. Гражданскому населению для того, чтобы всеми этими международными гарантиями пользоваться, просто необходимо поддерживать отношения с оккупационными властями.

Международные соглашения, регулирующие вооружённые конфликты, конечно, существовали и в период Второй мировой войны⁴. Согласно им, военные действия могли направляться только против сражающихся армий, а оккупация считалась временным занятием территории неприятеля, во время которой нельзя отменять местные порядки. Но шла *мировая война на уничтожение, вызванная антагонистическими противоречиями*. В этих условиях обе стороны игнорировали большинство положений международных деклараций и конвенций, формируя собственное правовое пространство и представления. И не было арбитражной мировой инстанции, способной, если необходимо при помощи экономических санкций и силового принуждения к миру, обеспечить соблюдение норм международного права. Вот почему нацистские оккупационные власти содержали военнопленных в концентрационных лагерях, практикуя рабский труд в бесчеловечных условиях существования. Именно поэтому гражданское население обязано было участвовать в трудовых мобилизациях и самостоятельно решать проблему собственного выживания. Не из-за случайного «недоразумения», а исходя из своей расовой идеологии, дающей ей якобы право на

мировое господство, гитлеровская Германия выкачивала из нашей страны колоссальные материальные и людские ресурсы, направляя их на ведение войны. В этих условиях взаимодействие советских военнопленных и гражданского населения с оккупантами было неизбежным, к нему просто принуждали репрессивными методами. Да, СССР утратил фактический суверенитет, то есть возможность решать весь спектр текущих дел, над значительной частью своей территории. Да, советский режим не был в состоянии обеспечить элементарные условия для поддержания хотя бы физического существования своих граждан на занятых противником территориях. Но *отечественная сущность* (люди защищали не только режим, а право своего народа на существование), *мировой* характер войны (без международного «судьи», способного обеспечить соблюдение цивилизованных правил), наверное, и специфика тоталитарного мировоззрения (личность — ничто, государство — все!) заставляли нашу страну распространять на эти территории действие норм своего конституционного и уголовного законодательства. Согласно приказу Прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» от 15.05.1942 г. не только советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, участвовавшие в карательных мероприятиях, но и те, кто выполнял указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии, подлежали ответственности по ст. 58–1/а УК РСФСР [16]. При таком *историческом понимании ситуации*, с правовой точки зрения, все коллаборационисты, строго говоря, оказываются предателями, сотрудничество как явление исчезает. И именно таким, безжалостным и незаконным, с нашей точки зрения, и было правовое понимание коллаборационизма в военные годы.

Нравственный взгляд на проблему взаимодействия с нацистским режимом, если снова подойти к ней исторически, также высвечивает почти исключительно коллаборационистское, предательское поведение. Здесь придётся оценивать поступки советского человека не с позиций морали, базирующейся на положениях Всеобщей декларации прав человека. Не могут быть применены и нормы основ конституционного строя РФ в Конституции 1993 г., где человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства. Мораль советских людей образца 1941–1945 гг. была специфичной, она требовала забвения личных

интересов ради интересов государственных и общественных. Важно понимать, что эта мораль советского общества, как и репрессивное право СССР, была в конкретных условиях Великой Отечественной войны легитимна. Она добровольно (активно или пассивно) признавалась, разделялась и применялась в повседневной практике большинством населения нашей страны: «жила бы страна родная, и нету других забот». Именно отечественную специфику войны выражал Илья Эренбург, когда писал: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев» [17]. Сегодня такое отношение к тем, кто чрезвычайными обстоятельствами был вынужден сотрудничать с врагом, выглядит бесчеловечным, но в 1941–1945 гг. так было. В частности, потому, что была такая *отечественная война*.

Проблема коллаборационизма и сотрудничества показывает профессионально-эмпирическую силу и в то же время профессионально-методологическую слабость нашей историографии. По свидетельству Е.Ф. Кринько, отказ от идеологических стереотипов для ряда историков сопровождается сегодня возвращением к факту и к документу. В результате стало складываться, прежде всего среди молодых исследователей, объективистское направление. Оно предполагает при изучении событий германской оккупации отказываться как от морально-этических, так и от политико-правовых оценок и категорий [1, с. 161]. Отказываться от них как раз и не нужно, нужно применять их в контексте прошлого, а не настоящего.

Примечания

1. Приказ начальника Генерального штаба ОКХ № 8000/42 «Положение о местных вспомогательных силах на Востоке».
2. Приказ Ставки Верховного Главного Командования об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе № 0428 от 17.11.1941 г.
3. Воюющие стороны обязаны различать комбатантов и гражданское население, атаковать исключительно военные объекты, заботиться о раненых, обеспечивать на занятых территориях соблюдение основных прав и свобод человека и т.д.
4. Например, Женевская конвенция (1864 г.), Петербургская декларация (1868 г.), Гаагские конвенции (1899 и 1907 гг.).

Список литературы

1. Кринько Е.Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии // Вопросы истории. 2004. № 11.
2. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
3. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002.
4. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России: 1941–1944. М., 2004.
5. Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.
6. Кудряшов С.В. Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 91.
7. Малиновский В.В. Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 165.
8. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 95.
9. Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценках молодых. М., 1997. С. 131–133.
10. Дюков А.Р. За что сражались советские люди. «Русский НЕ должен умереть». М., 2007. VII. Восточные рабы германской империи. Интерлюдия (3): Кто на самом деле предал советских военнопленных.
11. Дьяков Ю.Л. Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ // Война 1941–1945 годов: современные подходы / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005. С. 84.
12. Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.
13. Пыхалов И. «Кавказские орлы» Третьего рейха // Отечество. 2002. № 4. С. 24.
14. Кудряшов С.В. Советский коллаборационизм в годы войны: вопросы историографии // Проблемы истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 1997. С. 28.
15. Хасс Г. Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 119.
16. Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005. С. 39.
17. Эренбург И.Г. Война. М., 2004. С. 131.

COLLABORATION AND COOPERATION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

O.Yu. Makarov

The author explores collaboration and cooperation in the Great Patriotic War and shows the differences between these historical phenomena.

Keywords: collaboration, cooperation, Great Patriotic War, historical approach.